

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТЕСТАРНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОТОВ В ХОДЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена периоду 369–382 гг. в истории готов и Римской империи, времени, когда произошло непосредственное столкновение римлян и готов. Представляется, что этот период являлся ключевым как для варваров, так и для империи, поскольку готы за это время сменили статус приграничных федератов на положение жителей империи. В связи с этим изменением рассматривается трансформация потестарных институтов готов. Представляется несомненным, что ведущим стимулом к подобной трансформации была системная необходимость взаимодействия с империей. Приводятся стратегии взаимодействия, которые использовались как готскими вождями, так и римскими императорами, их успешность или неудача на пути к интеграции готов в имперскую структуру.

Ключевые слова: готы; варвары; поздняя Римская империя; политическая идентичность.

Среди дат, обозначающих начало конца Римской империи (а в качестве таковых можно использовать самые разные исторические прецеденты), особняком выделяется 376 г. Западная империя пала ровно через сто лет, но именно в этом году был сделан большой и неисправимый шаг к ее падению. Готские племена переправились с позволения восточного императора через Дунай на территорию собственно империи. Значимость этого события в контексте протекавших этнических, экономических, социальных и потестарных процессов как для готов, так и для римлян сложно переоценить. Переправа готов через Дунай представляется точкой бифуркации в развитии этих процессов, поскольку тенденции и тренды их развертывания радикально изменяются, начиная с этого времени. Для того чтобы представить эту схему во всей полноте, следует рассмотреть состояние империи и готских племен в годы, непосредственно предшествовавшие упомянутому ключевому событию.

В результате войны императора Валента с готами в 369 г. было достигнуто новое равновесное соглашение между империей и варварами, заменившее *foedus* Константина. Фактически это было обновление договора, пролонгирование федератского статуса готов теперь уже на основании персональных отношений Валента и Атанариха после прекращения в империи наследственной линии Константина, по отношению к которой готы считали себя обязанными ранее. Безусловно, это способствовало росту в среде готов личного авторитета Атанариха, однако не означало единства и монолитности готского народа. Более того, это также не означает уникальности роли Атанариха как лидера дунайских готов-тервингов. Несмотря на то что именно он являлся посредником между готами и римлянами, гарантом существующего договора и предводителем значительной, по всей видимости, части готского войска, его положение не являлось прочным и структурно формализованным. Возможно, именно в силу исключительности роли Атанариха, беспрецедентной ранее в готской традиции, его позиции в потестарной иерархии готов были относительно шаткими. Представляется, что на тот момент готские племена являлись относительно аморфным конгломератом кланов и общин, возглавляемым военными вождями, аристократией, обосновывающей свое элитное положение в равной степени происхождением и воинскими успехами. Власть Атанариха имела, по всей вероятности, консенсусную природу, опираясь на ряд сторонников среди аристократии, заинтересованных в его политике.

Частью этой политики являлось преследование христиан в среде готов, религиозные репрессии с целью сохранения германского культа и, таким образом, возможно, противостояния опосредованному культурному влиянию империи. Проблема идентичности готов проявляет себя в первую очередь в идеологической, ментальной сфере, что представляется закономерным в условиях становления готского общества в это время как синполитейного. Однако уже в связи с этим аспектом общественной деятельности готов налицо отсутствие единства в их рядах, неспособность Атанариха контролировать всю потестарную систему и разобщенность готских группировок. Конфликт Атанариха с Фритигерном доказывает это. Имя и фигура Фритигерна, сыгравшего в последующих событиях ведущую роль, впервые упоминается именно в связи с внутриплеменными раздорами готов-тервингов. По крайней мере, так трактуют конфронтацию между готами византийские авторы V в. Сократ Схоластик и Созомен, единственные, сообщающие о подобном столкновении. Следует отметить, говоря об источниках, что в хронике Аммиана Марцеллина, по времени аутентичной этим событиям, о них нет упоминания. Те свидетельства, которые предоставляют источники, достаточно противоречивы. В изложении Сократа Схоластика племя готов разделилось на противостоящие части, началась гражданская война, и Фритигерн, явно проигрывая, запросил помощи у Валента, в знак признательности за нее приняв вместе со своими последователями арианство [1. IV, XXXIII]. Примерно такую же картину рисует Созомен, добавляя в распределение сил и влияния еще и проповедническую деятельность Ульфила [2. VI, XXXVII]. Х. Вольфрам, пытаясь разобраться в последовательности происходивших стычек, теряется в противоречивости источников, хотя и примиряет их с помощью довольно громоздкой конструкции предположений [3. С. 124].

Если отказаться от подозрения, что сообщения о войне Атанариха и Фритигерна являются дубликацией войны Атанариха и Валента (а, собственно, именно так и представляют ее источники), то кто такой Фритигерн и какой статус он занимает в готской среде, все же остается неясным. Контекстно его положение в источниках уравнивается с положением Атанариха, он борется с последним на равных. Х. Вольфрам считает, что Фритигерн – князек-политик, уловивший недовольство и готов, и Константинополя растущей властью Атанариха, его монархическими интенциями и сыгравший на

этом, привлекая на свою сторону еще и готов-христиан [3. С. 107]. В результате племя раскололось и ослабло перед угрозой вторжения гуннов.

Следует отметить, что если характерный титул Атанариха – *iudex* – упоминается у Аммиана Марцеллина [4. XXXI, III, 4], то тот же автор, говоря о Фритигерне, никак его не титулует вообще, как и другие упомянутые выше авторы, и только Иордан относит Фритигерна к разряду племенных дуксов, царьков (*Gothorum dux, regulus*) [5. С. 134, 135]. Это заставляет думать, что положение Фритигерна уступало статусу Атанариха, что Фритигерн был одним из многих, в то время, как Атанарих – исключением, возвысившимся на недостижимую высоту. Практически, из этого убеждения исходит Х. Вольфрам, считая Фритигерна мелким политическим интриганом, и, очевидно, большинство других исследователей. Однако этому противоречит контекст работ Сократа и Созомена, уравнивающих Атанариха и Фритигерна как сильных соперников, расколовших племя готов.

Означает ли это, что предположение о тенденции к формированию централизованных потестарных институтов среди придунайских готов в лице судьи Атанариха неверно? Безусловно, совсем отбрасывать его нельзя, однако и не следует переоценивать степень реализации этой тенденции в данный период. Атанарих имел недругов, соперников и оппозиционеров в среде готской аристократии, Фритигерн в этом качестве, возможно, один из многих. Его противостояние Атанариху может быть несколько преувеличено, акцентировано христианскими авторами в силу их безусловной ангажированности в вопросе христианизации. Зосим, который является языческим автором, и в этом смысле представляет интерес как пример альтернативного взгляда, хоть и упоминает подобный конфликт между Фритигерном и Атанарихом, но относит его уже ко времени расселения готов на территории империи и воцарения Феодосия, и мотивы этого конфликта совершенно не имеют отношения к вероисповеданию [6. IV].

Последовательность событий и даже идеологические столкновения, собственно говоря, не столь важны в контексте рассматриваемой проблемы. Значение имеет то, что готская тервингская общность не идентифицировала себя только с Атанарихом. Но, с другой стороны, идентичность готских объединений с возглавлявшими их лидерами прослеживается очевидно. Существовали готы Фритигерна, готы Ульфилы, готы Атанариха, готы Алавива, и, видимо, этот ряд можно продолжать. Авторитет Атанариха был высок, но не бесспорен и тем более не единоличен.

Аммиан Марцеллин говорит о разных готских племенах, которые после поражения Атанариха от гуннов ушли от него и сообщая, после долгих дискуссий, решили просить убежища на территории империи; к этому решению присоединились другие племена [4. XXXI, III, 8]. Таким образом, никакой консолидированности среди дунайских готов не наблюдается. Однако это мешало возможности договориться с римлянами о переправе через Дунай. Очевидно, вновь требовался представитель всех готов для переговоров, подобно тому как ранее в этом качестве выступал Атанарих.

Основываясь на словах Аммиана Марцеллина, следует заключить, что таковым стал Алавив [4. XXXI, IV, 1].

Этот персонаж упомянут только в данной хронике, что, однако, не дает оснований усомниться в его достоверности. Аммиан утверждает, что именно Алавив отправил посольство к Валенту с просьбой о переправе и принятии готов на территории империи в качестве федератов. При этом речь, по всей видимости, шла обо всех готских племенах и общностях, жаждавших укрыться от гуннов в империи, а не только о готах непосредственно Алавива; однако в переговорах эти племена со стороны империи воспринимались как самостоятельные единицы, о чем свидетельствуют слова Марцеллина о принятии первыми готов Алавива и Фритигерна, а вслед за ними, видимо, в некотором порядке остальных [4. XXXI, IV, 8]. Приоритет Алавива как инициатора и представителя готов в переговорах понятен, однако это также дает основания Х. Вольфраму закономерно полагать, что Алавив выделялся среди других готских вождей более высоким рангом [3. С. 110]. Действительно, Марцеллин постоянно упоминает об Алавиве прежде Фритигерна, что, возможно, подтверждает более высокое положение первого. Однако, как представляется, речь здесь может идти не о разнице в ранговой стратификации, а о факте того, что именно Алавив персонализировал готские племена в очередном изменении договорных обязательств с Константинополем. Одно это обстоятельство повышало его статус и делало центральной фигурой в готско-римских отношениях и, что гораздо более значимо в контексте рассматриваемой темы, в отношениях внутриготских.

М. Куликовский отмечает, что подобные переговоры не могли завершиться быстро, требуя нескольких месяцев для обмена посольствами, и за это время готские племена, скопившиеся у Дуная, очевидно, не испытывали сложностей в организации хозяйства и пропитания, а это, в свою очередь, предполагает жесткую руку в управлении этими племенами [7. С. 129]. Это также заставляет полагать, что степень складывания надобщинных потестарных структур в среде готов была относительно высокой, и тренд формирования института общеготского правителя продолжался и после утраты Атанарихом своих позиций и авторитета. Возможно, Алавив выступил в качестве его непосредственного преемника, однако источник слишком скупко говорит об этом, чтобы делать уверенные выводы.

Кроме того, фигура Фритигерна, о котором упоминается значительно больше, фактически затмевает Алавива, что отчасти может найти свое объяснение в свете значения Фритигерна в ходе битвы при Адрианополе и Готской войны. Авторы хроник могли ретроспективно выделять Фритигерна среди готских вождей и даже противопоставлять его Атанариху, героизируя личность гота – победителя римлян. Тем не менее и Марцеллин отмечает Фритигерна как вождя, который, наряду с Алавивом, первым получил право переправы на римскую территорию. Если приоритет Алавива как представителя готов, инициатора переговоров и, возможно, консенсусного надобщинного вождя понятен, то Фритигерн подобным статусом явно не обладает, но действует совместно с Алавивом и, следовательно, является его сторонником и признает его первенство. Тем

не менее римляне, пуская первыми племена этих двоих вождей, фактически тем самым признают их относительное равенство. Очевидно, в глазах римлян Фритигерн уже имел некие заслуги или статус, позволяющий ему сравниться с Алавивом.

Х. Вольфрам предполагает, что этот статус исходил из соглашения между Валентом и Фритигерном в ходе борьбы последнего с Атанарихом [3. С. 110]. Факт существования подобного соглашения вызывает некоторые сомнения, поскольку, посылая войска на помощь Фритигерну против Атанариха и сражаясь с последним, Валент сознательно нарушил бы собственный договор с готами, рискуя развязать новую готскую войну, в то время как сам был занят боевыми действиями на востоке. Нет никаких данных и о том, что готы со своей стороны нарушали договор или требовали его пересмотра. Причины возможного вмешательства империи в междоусобицы готов неочевидны, выгоды сомнительны. Христианизация племени Фритигерна в качестве таковой выгоды представляется неадекватной риску ввязаться в очередную готскую войну. Кроме того, даже если римляне один раз помогли Фритигерну, то постоянно его защищать они не могли, Фритигерн остался со своим племенем на заданайской территории, римляне же должны были уйти. После их ухода ничего не мешало Атанариху добить Фритигерна окончательно.

Характерно, что о соглашении между Валентом и Фритигерном говорится только в православных источниках, у Сократа Схоластика и повторяющего его в этой части Созомена. В то же время в источниках языческих (Аммиан Марцеллин, Зосим) и арианских (Филосторгий) никаких упоминаний о подобном соглашении нет. При этом Филосторгий подробно описывает роль Ульфила в распространении арианства среди готов [8. II, 5], но ни слова не упоминает о Фритигерне; Сократ Схоластик, напротив, отдает всю честь арианизации готов последнему, говоря об Ульфила лишь мельком [1. IV, XXXIII]. Что касается Марцеллина и Зосима, то они также не останавливают внимание на Фритигерне до переправы готов через Дунай. Это заставляет предполагать, что православные авторы имели особые причины включать повествование об арианизации Фритигерна в свои хроники и связывать это событие с влиянием императора Валента (последний факт также транслирует в своей хронике Иордан [5. С. 133]).

Оба христианских автора расходятся друг с другом в деталях трактовки событий: Сократ явно указывает на договор с Валентом как на непосредственный источник арианизации готов, Созомен сомневается в этом, отводя главную роль миссии Ульфила. Действительно, Аммиан Марцеллин подтверждает, что Фритигерн опирался в переговорах с римлянами на христианских священников [4. XXXI, XII, 8]. Это свидетельствует о том, что вождь, по крайней мере, толерантно относился к христианам и видел в них выгоду при контактах с империей. Однако Аммиан не говорит, что сам Фритигерн был христианином, как, повторимся, и Филосторгий. Возможно, Сократ Схоластик несколько утрирует факты, утверждая, что именно через Валента и Фритигерна арианство распространилось среди готов. С подобной точки зрения фигура Фритигерна отчасти

героизируется, он становится проводником хоть и еретической, но христианизации среди варваров. Валент при этом в источниках оценивается критически, как жестокий и недальновидный император, поэтому битва при Адрианополе в этом свете инвертируется из ключевого поражения империи в противостояние праведного и неправедного христианина, из которого Фритигерн выходит победителем вполне оправданно.

Однако даже при определенном сомнении в сведениях православных авторов о Фритигерне до 376 г. вероятность существования персонального договора между ним и Валентом подтверждается тем, что именно он, наряду с Алавивом, первым допускается на территорию империи. Почему обычный военный вождь, дукс, оказывается на равных с Алавивом, инициатором нового договора, представляющим большинство готских племен? Вероятно, потому, что между Фритигерном и императором уже существовал договор, заключенный ранее, сепаратно. Подобная возможность вносит новую черту в модель взаимоотношений империи и готов и выстраивающейся на этой основе общеготской потестарной системы. Существование общеготского представителя в переговорах с империей, гаранта заключаемых соглашений, каковыми были Атанарих и, возможно, Алавив, не отменяло права отдельных вождей вступать в самостоятельные отношения с римлянами, добываясь своих интересов, даже если это противоречило курсу общеготского вождя и нарушало условия уже существовавшего договора. Ульфила, заключив такое соглашение, увел своих последователей-готов на территорию империи, Фритигерн запросил поддержки римских войск против личных врагов – очевидно, никаких сдерживающих этот процесс инструментов у Атанариха не было. Следует сделать вывод, что общеготские представители не обладали средствами принуждения, чтобы обеспечивать следование всех готских племен договорным обязательствам с империей, а гарантия этого держалась только на личном авторитете этих представителей и согласии большинства вождей с данным курсом.

Право отдельных вождей заключать сепаратные сделки с империей, видимо, имплицитно принималось и готами, и римлянами. В этом свете переговоры Фритигерна, его договоренности с Валентом, а позднее с Алатеем и Сафраком, благодаря которым Х. Вольфрам считает его статус некоей переходной ступенью между обычным племенным вождем и военным королем [3. С. 110], не представляются из ряда вон выходящими. Фритигерн был, очевидно, в своем праве как вождь отдельного готского племени. Тем не менее он выступает вместе с Алавивом, вероятно, поддерживая того как общеготского представителя. Тот факт, что именно эти двое возглавляют переправу готов через Дунай, подтверждает, что Фритигерн имеет значительный вес не только среди римлян, но и среди своих соотечественников. Возможно, именно благодаря своим связям с Константинополем и христианами. Но это также могло и помешать Фритигерну самому стать общеготским представителем, поскольку значительная часть готов была настроена враждебно по отношению к христианству и римскому влиянию. Поэтому Алавив представляется компромиссной фигурой, с которой Фритигерн

был вынужден смириться, что, однако, не отменило амбиции последнего.

Источники отмечают практически единогласно, что император был обрадован предложением Алавива и немедленно с ним согласился [1. IV, XXXIV; 4. XXXI, IV, 4; 5. С. 132; 6. IV]. Но П. Хэсер считает, что это неверно, и подобные сообщения – результат целенаправленной имперской пропаганды, призванной исключить вынужденность решения императора [9. С. 132]. Признать, что Валент не имел иного выхода, кроме как разрешить ордам варваров расселиться в римской Фракии, поскольку у него не было сил этому воспрепятствовать, означало унижить империю, что не мог позволить себе ни один летописец. П. Хэсер приводит в пользу своей точки зрения тот аргумент, что император не дал разрешения гревтунгам Алатея и Сафракка переправляться через Дунай, исходя из государственных интересов [4. XXXI, IV, 13]. Таким образом, варвары были разделены и ослаблены. В пользу этой точки зрения говорит и то, что, очевидно, империю устраивал существовавший *foedus* с Атанарихом, не требовавший расселения готов в самой империи, но делавший их защитниками границ и наемниками в войске. Перезаключать его можно было только вынужденно. Спокойствие и уверенность готов, ожидавших решения императора, также свидетельствуют о том, что они не сомневались в исходе переговоров. В этих условиях позиции Алавива укреплялись и среди готов, и в империи. Фритигерн, соответственно, терял возможность занять лидерство, что предполагает возможность соперничества этих двух готских вождей.

Имя Алавива быстро исчезает из хроники – в ходе конфликта, разгоревшегося между римлянами и варварами из-за попытки римского полководца удержать Алавива и Фритигерна в заложниках [4. XXXI, V, 5]. П. Хэсер полагает, что именно в этой ситуации проявились противоречия между предводителями готов, и Фритигерн сознательно пожертвовал Алавивом, сам успешно сбежав [10. С. 137]. Таким образом, Фритигерн играет на настроениях готов, возмущенных отношением к ним римлян, и становится предводителем значительной части племени. В то же время, поскольку Алавив исчез, потерял силу и договор готов с императором, заключенный его именем. Следовательно, готы свободны в своих действиях, пока не будет заключен новый договор. Очевидно, что принципиально важно, кто именно будет его заключать, и Фритигерн стремится именно к этому.

Нет свидетельств о том, что Фритигерн или кто-либо другой из готов пытался вступить в переговоры с римскими военачальниками, посланными против них первоначально. Однако с появлением самого Валента Фритигерн, напротив, активизирует переговоры, причем очень настойчиво, пользуясь посредничеством христианского священника и, видимо, рассчитывая на большой успех. Действительно, император, по словам Марцеллина, радушно отнесся к послам, однако не согласился на их условия [4. XXXI, XII, 8–9]. Фритигерн предлагает императору новый договор, измененные условия, но по ставшей уже традиционной схеме – личное соглашение предводителей готов и империи. При этом вождь готов шантажирует императора свире-

постью варваров и в целом ведет себя очень уверенно, выдвигая свои требования, что наводит на мысль о том, что Фритигерн не ожидает отказа.

Можно предположить, что в этом он прав: дальнейшие действия римлян предполагают скорее маневры дипломатической торговли. Армия императора выдвигается, чтобы устроить варваров, с чем вполне справляется. К императору отправляют послов, видимо, другие готские вожди, пытаются перехватить инициативу у Фритигерна, но с ними император даже не желает говорить [4. XXXI, XII, 13]. Это может свидетельствовать о том, что для Валента именно Фритигерн является формальным представителем готов, и император желает, чтобы именно такое положение сохранялось в будущем. Соответственно, когда посольство прибывает вновь теперь от Фритигерна, Валент относится к нему совершенно иначе и принимает предложенный вариант соглашения, включая даже обмен заложниками, что говорит о прочности заключаемого договора. Очевидно, готы уже ранее предоставили заложников или же император находился в невыгодном положении, но римский заложник немедленно отправился к Фритигерну. Это свидетельствует, возможно, о слабости позиции императора или же, в равной степени, о его готовности к договору, отчего все войсковые действия выглядят попыткой сохранить лицо империи перед неизбежным соглашением с готами.

Судя по словам Марцеллина, подробно описывающего события, битва началась в той или иной степени спонтанно, причем именно тогда, когда римский заложник отправился к готам. Римская передовая легкая пехота случайно ввязалась в стычку с готами, но, что характерно, была тут же отведена, что Марцеллин воспринимает как позорное отступление. Очевидно, император не желал начинать сражение. Внезапное для всех появление отрядов готской конницы и Алатея и Сафракка, с ходу обрушившихся на римлян, с этой точки зрения выглядит как спутавшее все карты и Валенту, и Фритигерну [4. XXXI, XII, 14–17]. Ни один из них уже не контролировал ситуацию. Столь подробный рассказ о битве приведен только у Марцеллина, хотя сам историк не был ее свидетелем, а свой труд создавал спустя два десятилетия после нее. Но, исходя из некоей противоречивости излагаемых событий и их трактовки Марцеллином, можно предположить, что Валент не имел столь агрессивных намерений по отношению к Фритигерну, как полагает историк.

Так или иначе, исход битвы при Адрианополе известен: император погиб, готы бесконтрольно грабят Балканы. Это продолжается до заключения мира императором Феодосием в 382 г., как подчеркивает П. Хэсер, вынужденного. Поскольку империя не имела военных возможностей уничтожить захватчиков, разорвавших Фракию, договор с ними являлся меньшим из зол [11. С. 264]. К сожалению, нет источников, освещающих все подробности этого договора, в частности кто именно заключал его со стороны готов. Фритигерн в последний раз упоминается в связи с событиями, происходившими в 380 г. [6. IV]. Договор 382 г. фактически создавал все политические и экономические условия для формирования сплоченного готского племенного ядра на римской территории, которое

Х. Вольфрам даже называет автономной Готией, государством в государстве [3. С. 192]. Действительно, Синезий, на речах которого основываются эти данные, очень негативно отзываясь о готах, совершенно не одобряя договор, который принес им такие преференции [12], в то время как Фемистий, напротив, утверждает, что готы приняли римский образ жизни в результате этого договора [11. С. 281]. Одно не противоречит другому – готы оказались в результате законными обитателями империи, были встроены в ее военное и гражданское пространство, но сохранили при этом самоуправление и компактность расселения. Такие условия можно считать тепличными для ускоренного развития этнической идентичности в противопоставлении себя окружающим римлянам. Видимо, в этот период происходит переход от общего термина «тервинги», обозначавшего придунайских готов, к наименованию «вестготы» – готы, расселенные по договору с Феодосием во Фракии, очевидно, бывшая группировка племен под предводительством Фритигерна [12].

Фемистий в своем панегирике Флавию Сатурнину прославляет последнего как человека, заключившего мир с готами, отдавая персонально ему подобную честь. Действительно, оратор упоминает, что готские вожди участвовали в триумфе Сатурнина и в празднествах в честь его консульства в 383 г. [11. С. 280], не называя имен этих вождей, что делает загадочной судьбу Фритигерна. Однако уже то, что Фемистий не упоминает Фритигерна, который был, по-видимому, широко известен как победитель при Адрианополе, говорит о том, что этот вождь не участвовал в договоре 382 г., вероятнее всего, уже сойдя к этому времени с исторической сцены. В противном случае Фемистий не упустил бы возможность подчеркнуть роль прославляемого им Сатурнина как полководца, осуществившего реванш римского оружия. С. Макдоуэлл восхищается стратегическими и административными талантами Фритигерна, полагая его при этом также сильным и харизматичным лидером [13. С. 34–36]. Возможно, этот автор несколько экзальтирован в подобной оценке, но представляется, что Фритигерн был весьма заметным и известным человеком в свое время.

Можно предположить, что договор 382 г. заключался уже с несколькими вождями готов не столь крупного масштаба, и в этом случае представитель от готов не избирался. Следовательно, основа договора была иной по сравнению с принятой со времен Константина традицией, несмотря на утверждение Иордана об обратном (...Constantino principe foederatorum renovata et ipsi dicti sunt foederati) [5. С. 145]. Действительно, П. Хэсер подчеркивает, что это был не традиционный foedus, поскольку речь шла о капитуляции готов (dedicio), а не о соглашении с ними [10. С. 159]. Кроме того, исследователь полагает, что в этот раз император целенаправленно отказался иметь дело с единым представителем готов, возможно, в целях их ослабления и децентрализации [9. С. 137]. Г. Вирт, напротив, считает, что в условиях отсутствия единого лидера, разобщенности и децентрализации готы сами стремились к заключению dedicio и к интеграции с империей [14. С. 53]. Так или иначе теперь император и представитель готов не устанавливали личных отношений и обязательств, а следо-

вательно, ответственность за соблюдение договора оказалась распределена между готской знатью и римскими официальными [15].

Тем не менее Феодосий стремится поддерживать личные контакты с готскими лидерами путем регулярных совместных пиров, и это выглядит как некая новая традиция, зафиксировавшая более близкие отношения вестготов и римлян после 382 г. [11. С. 280]. При этом источники опять же не дают сведений о каком-либо общем вожде готов в этих застольях. Напротив, Зосим говорит о конфликте между двумя вождями готов, Фравиттой и Эриульфом; последний открыто выступал за отказ от договора как стесняющего готов, Фравитта же пытался сохранить утвердившиеся отношения. Конфликт произошел прямо на пиру у императора и разрешился поединком за дверями, в котором выиграл Фравитта. Разгореться полномасштабной стычке помешала императорская гвардия, разделившая и усмирившая противников; император просто отправил всех смутьянов домой, не применив к ним никаких санкций, напротив, позволив им убивать друг друга, как заборгассудится [6. IV]. Зосим явно неодобрительно оценивает дружелюбное поведение Феодосия по отношению к готам, подчеркивает нерешительность и попустительство императора, однако из контекста понятно, что император находился не в том положении, чтобы диктовать условия готским союзникам. Однако здесь следует иметь в виду, что на отношении Зосима к Феодосию сказывалась активная борьба последнего с язычеством, а Зосим был язычником.

С другой стороны, Орозий, возможно, как христианский автор, хвалит политику Феодосия, подчеркивая, что именно благодаря его храбрости и доброте готы подчинились власти Рима [14. VII, 34]. Покровительственное и попустительское отношение Феодосия к готам при всей беспокойности последних находит свое объяснение в явной неспособности императора справиться с ними военным путем, несмотря на многочисленные попытки, а также в потребности римского войска в готских отрядах. Кроме того, небезынтересным представляется предположение Х. Вольфрама о том, что готы в этот период, не имея единого вождя, переносят его функции на римского императора [3. С. 210]. Если считать, что договор был не foedus'ом, а капитуляцией, то это предположение обретает подтверждение: в подобной ситуации для готских племен и вождей было естественно признать верховное правление предводителя победившей стороны, так же как, очевидно, оставшиеся за Дунаем готы признали верховенство гуннских королей.

Впрочем, как свидетельствует случай с Фравиттой и Эриульфом, готские вожди воспринимали власть императора не как абсолютную, считая своим правом выбирать, насколько ей следует подчиняться. Очевидно, каждый отдельный вождь делал этот выбор самостоятельно. Если Зосим утверждает, что в среде готов существовали явно выраженные партии сторонников и противников договора с римлянами, то их противоборство было вполне открытым и для всех очевидным; Эриульф прямо на императорском застолье выступает за продолжение войны с римлянами. Он выражает этим интересы определенного круга соплеменников и чувствует поддержку.

Тем не менее Феодосий сохраняет мирные отношения с готами, избегая вмешиваться в их внутреннюю борьбу, но, видимо, косвенно влияя на ее ход.

Расселение готов в империи изменило тренд развития готской потестарной идентичности. При этом готские властные институты продолжают определяться сложившейся при Константине системой личных соглашений между вождями отдельных кланов и римским императором. Необходимость личной ответственности за соблюдение условий foedus'a предполагала наличие единого представителя готских родовых объединений, однако эта практика не имела устойчивых корней и встречала сопротивление со стороны ряда клановых вождей. Отраженная источниками картина готской политики скорее соответствует схеме межличностных отношений готских вождей, основанной на общности интересов и добровольном делегировании прав на относительно высший статус консенсусно обозначенному лидеру. Не будучи формально закрепленной, подобная схема является общепринятой в отношениях с империей, определяя в то же время и потестарный статус лидера среди сородичей. Однако битва при Адрианополе наносит серьезный ущерб подобной системе отношений, уже разбалансированной необходимостью адаптации к новым условиям включения готов непосредственно в рамки империи. Более того, в значительной степени это определяется и нестабильностью

политической ситуации в самой империи. В подобных условиях готы возвращаются к традиционной доминанте родовых отношений – в той или иной степени скоординированным набегам. Очевидно, в готской среде происходит дезорганизация потестарных надстроечных структур в обстановке кризиса отношений готов и империи. Заключение договора с Феодосием знаменует окончание этого периода, однако система отношений готов и империи выстраивается закономерно иначе, нежели ранее. Феодосий сохраняет сепаратность готских родов, не допуская появления нового общего представителя; это резонно в целях ослабления готского военного потенциала в ситуации противостояния с империей и способствует распространению римской системы иерархии на готов. Усилившаяся интеграция готов в римскую армию подразумевала рост значимости римских воинских статусов для готов параллельно существовавшим традиционно родовым. Однако формирование подобной системы встречало сопротивление как со стороны части готов, так и со стороны римского населения, и при жизни Феодосия не достигло устойчивости как тенденция. Смерть императора положила конец выстраиваемой им и еще в полной мере не «родившейся» новой системе отношений между готами и римлянами в границах империи, и обозначила начало теперь уже стихийному поиску альтернативных стратегий потестарного развития готов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus* // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. URL: <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf202.html>
2. *The Ecclesiastical History of Sozomen* // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. New York : Christian Literature Publishing Co., 1886. URL: <http://www.ccel.org/ccel/schaff/npnf202.html>
3. Вольфрам Х. Готы. СПб. : ИД «Ювента», 2003.
4. *Ammianus Marcellinus*. Historiae. Liber XXXI. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ammianus/31.shtml>
5. *Jordanis*. De Origine Actibusque Getarum. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/iordanes1.html>
6. *Zosimus*. New History. London: Green and Chaplin, 1814. URL: http://www.tertullian.org/fathers/zosimus04_book4.htm
7. *Kulikowski M*. Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
8. *Epitome of The Ecclesiastical History of Philostorgius*. URL: <http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/philostorgius.htm>
9. *Heather P*. The Goths. Wiley-Blackwell, 1998.
10. *Heather P*. Goths and Romans. Clarendon Press, 1991.
11. *Heather P., Moncur D*. Politics, philosophy, and empire in the fourth century: select orations of Themistius. Liverpool University Press, 2001.
12. *Synesius*. On Imperial Rule, 15. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_monarchy_15.html
13. *McDowell S*. Adrianople, AD 378: the Goths crush Rome's legions. Osprey Publishing, 2007.
14. *Wirth G*. Rome and its Germanic partners in the fourth century // Kingdoms of the Empire. BRILL, 1997.
15. *Orosius*. Christian History. Book 7. URL: http://sites.google.com/site/demontortoise2000/orosius_book7

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2011 г.